

УДК 821.161.1.09
ББК 83.3(2Рос=Рус)6
А41

Художественное оформление серии
Марии Коняевой

Аудиозаписи лекций были обнаружены в архиве Василия Аксёнова племянником писателя Александром Змеулом.

Аксёнов, Василий Павлович.

А41 Лекции по русской литературе / Василий Аксёнов. — Москва : Эксмо, 2019. — 320 с.

ISBN 978-5-04-103022-3

Эта книга Василия Аксёнова похожа на разговор с умершим по волшебному телефону: помехи не дают расслышать детали, но порой прорывается чистейший голос давно ушедшего автора, и ты от души улыбаешься его искрометным воспоминаниям о прошлом.

Мы благодаря наследникам Василия Павловича собрали лекции писателя, которые он читал студентам в George Washington University (Вашингтон, округ Колумбия) в 1982 году. Героями лекций стали Белла Ахмадулина, Георгий Владимов, Валентин Распутин, Евгений Евтушенко, Андрей Вознесенский, Борис Пастернак, Александр Солженицын, Владимир Войнович и многие-многие известные (и уже забытые) писатели XX века.

Ну и, конечно, одним из главных героев этой книги стал сам Аксёнов.

Неунывающий оптимист, авантюрист и человек, открытый миру во всех его проявлениях.

Не стоит искать в этих заметках исторической и научной точности — это слепок живой речи писателя, его вдохновенный Table-talk — в лучших традициях русской и западной литературы.

УДК 821.161.1.09
ББК 83.3(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-04-103022-3

© Аксёнов В., наследники, текст, 2019
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Содержание

Знакомство. Первое вводное занятие	9
Дудинцев. «Литературная Москва».	35
Среда «оттепели»	57
Встреча в шатрах. Пастернак.	83
Выставка в Манеже	99
«Новый мир» и «Октябрь». Противостояние	125
Эстрадная поэзия. Вознесенский, Ахмадулина	147
Вопросы после лекции о бардах.	189
Деревенщики	195
Европейское сообщество писателей.	213
Подписанство	239
После событий 68-го года в Чехословакии	251
Трифонов	269
Литература эмиграции.	295

Евтушенко в "Арабии" 1965
 Everybody was looking at him
 Визуальный - зрелище
 Все смотрит на него half-dozen of champagne

5

Рус. традиция style I'm not just a leftist
 (Северный и Мамуров contest for the title
 King of Poets)
 "causes
 в 3-м
 на
 1960-
 60-е
 1960-е
 1960-е

Адиано, стили у нас не евангелизм
 гурьбуры, а воя пою иронический
 Свободу и мажорес, youth subculture
 The beauty rules the world (AB) Cult of Etnica

Ужасе у нас великий at the foot of movements
 Кругом поэзия, мажорес поэзия
 До революции? СМОТ - thousand poets
 once they even banned
 the E. in cities
 smogs have accused E. in dealing with SF
 is easiness of his appeals

Фиги
 Рождественский - поэзия Ice-floe
 Эволюция поэты. после 63 Driftins Avenue. his most
 dashus book

Евтушенко
 новое искусство поэзии monod - monod
 touch of presence кунстка - кунстка
 touch of - ментала - шара
 Purity of snow медленно - медлен
 in best of his lyric to snow миме - миме
 Свещи! 3 fall мускулы - мускулы
 застывшими
 все это было короткое и мускулы
 снег, оно вогнуто в белое дерево
 Вуди партизаны О казней молодости своей!

accommodates
 кунстка

Особенно там где где поды знаи - терье и ЕЕ
 терет снег, терет поэзию

Баши, Ар
 Наследники Станисла } упол. Арава.
 к правительству и упол.
 техника лабиринтные адис

he wanted to
 both sides to
 take him
 for face
 value

Знакомство. Первое вводное занятие

Господа, я хочу для начала познакомиться визуально с участниками семинара, мне дали маленький список. Баумюллер, Божица, Филлипа уже знаю, и теперь Памела Хэнкин, это вы, прекрасно, Левицкая Лариса, так, и Энтони Машиочи? Правильно как проносится, не знаете? Его нет? Энтони... нет Энтони. Черил Нилсон, очень приятно. Маргарет Бобик, тоже нет. Сара Нелсон, нет. Тамара Попова и Сюзен уже знаю. И вот больше у меня никого здесь нет в списке. Назовите, пожалуйста, чтобы я... Моррис? Савраски... Джон Фридман. Пол... Людмила, вы тоже будете как студент? О'кей. Ну что ж. Теперь организационные предметы: вам раздадут то, что я набросал как темы семинара. Здесь примерно четырнадцать тем на весь наш семестр, но они очень, конечно, *flexible*¹, и необязательно каждая тема — это каждое занятие, одна тема может быть половина занятия, а другая тема, как у нас получится просто, может быть на два занятия. Скажем, «Альманах “Метрополь”» —

¹ Гибкий (англ.).

это большая очень тема, и она наверняка у нас не менее двух занятий займет, потому что там двадцать семь авторов, представляющих довольно широкий спектр современной русской литературы. А другая тема — я здесь еще не указал, потом мы вставим в пятое, кажется, занятие — будет тема «Писатели “окопной правды”», я буду говорить о таких авторах, как Бондарев, Бакланов, — это писатели-фронтовики, Межиров, Винокуров, Константин Симонов и Виктор Некрасов. Эта тема, поскольку я не очень хорошо ее знаю, у нас займет немного времени (*смеется*). Я прошу относиться ко мне не как к настоящему профессору, потому что я таким и не являюсь, и... прошу прощения, я, по-моему, более ценен для вас не как профессор, а как непосредственный участник событий, о которых мы будем говорить. Когда-то Вознесенский про себя сказал: «Дитя соцреализма грешное», в общем-то, я тоже «дитя социализма грешное» (*смеется*), более грешное, чем Вознесенский. И одновременно и участник, и в какой-то степени жертва событий этих двух штормовых десятилетий советской русской культуры, литературы в частности. Если кто-нибудь что-то не понимает по-русски, *something Russian is lost on someone*, пожалуйста, спрашивайте, и будем прояснять какой-то момент, договорились, да? И я бы хотел, чтобы то, что я говорю, прерывалось все время вопросами, это мне не только мешать не будет, а наоборот, будет помогать, и, наверное, и вам тоже лучше, потому что, как я себе это представляю, это семинарское занятие, а семинарское занятие — это взаимное творчество.

Поскольку у нас первый день, все будет скомкано... Вот еще очень важный организационный момент — это литература, книги, круг чтения. Я составил список этих книг, это надо будет размножить, но я не уверен, что вы сможете достать все эти книги, да и все, видимо, читать необязательно, каждому необходимо выбрать, что ему нужно, и совместно сделать какую-то селекцию... Ну вот, например, Илья Эренбург, «Оттепель». Это хорошо бы прочесть, потому что название этой книги дало название целому периоду русской культуры. У меня эта книга есть совершенно случайно, она не моя, мне ее дала Елена Александровна Яacobсон. В магазине Канкена (?) и в библиотеке университета ее нет. Наверняка есть в библиотеке Конгресса. У вас есть? Как-то поступить с этим, может быть, зирокс¹ снять или... мы потом подумаем вместе.

А есть у вас в библиотеке, где можно поставить книги на полку, чтобы они стояли под этим курсом...
(Реплика из зала: Reserve shelf!)

Но все равно получится, что есть только одна книга, скажем, на десять человек...

(Реплика из зала: Она не уходит из библиотеки, она остается на полке.)

Может быть, кто-то там [в библиотеке] прочтет, и я буду говорить об этих книгах в двух словах. О наиболее важных книгах я буду говорить, поэтому у студентов, по идее, должно быть представление, о чем книга, и дальше студенты будут читать, кто [что] захочет, в

¹ Херох; в России распространено транслитерированное произношение «ксерокс».

зависимости от того, какую кто изберет тему. Как я понимаю, работы будут... должны писаться студентами, да? Затем Владимир Дудинцев, «Не хлебом единым». Это книга очень важная, но, на мой взгляд, очень скучная. Ее читать необязательно (*смеется*). Я о ней буду немножко говорить. Но вот альманах «[Литературная] Москва», его прочесть, такой толстый, невозможно, конечно. Но в нем есть отдельные вещи, очень важные. И как [быть]? Это тоже принадлежит Елене Александровне, не мне. Ни в библиотеке, ни в магазине тем более этого нет, как мы поступим в данном случае, я затрудняюсь [сказать], но это надо будет решить. Дальше, Симонов, «Записки... (м.б. «От Черного до Баренцева моря. Записки военного корреспондента», или это оговорка, а имеются в виду «Разные дни войны. Дневник писателя», упомянутый следом?). Дневник писателя», это интересно для темы «Послевоенная литература», и тот, кто хочет, может прочесть. Такой писатель Всеволод Кочетов был, он представлял собой крайне правое крыло советской культуры шестидесятых годов, яростный враг «Нового мира» и Твардовского, сталинистского типа писатель. Его очень хорошо бы роман достать, который называется «Чего же ты хочешь?», но как его достать, я не знаю. Этот роман очень ярко отражает атмосферу литературной борьбы в середине шестидесятых годов. Валентин Катаев, «Святой колодец», это имеется и в библиотеке, и в магазине, и у меня здесь имеется — с дарственной надписью автора. Вот это всё с дарственными надписями авторов (*смеется*). Анатолия Гладилина хорошо бы прочесть, чтобы знать молодую прозу начала шестидесятых годов. Анатолий

Кузнецов, «Продолжение легенды», Виктор Конецкий, затем альманах «Тарусские страницы»...

Вообще, альманахи — это какого-то рода ключевые моменты в развитии советской русской литературы этих десятилетий. В отличие от американских или западноевропейских традиций, русская литературная активная жизнь идет в основном на страницах толстых журналов. Этого нет в Америке, здесь «Атлантик» раз в месяц печатает какой-то рассказик, и единственный такого типа журнал, как толстый русский, — это, похоже, *Partisan Review* в Бостоне. Остальные все — с рекламами парфюмерии и так далее. А в России, если вам не удалось напечатать в каком-нибудь из влиятельных толстых журналов вашу вещь, считайте, что ее не заметили вообще. Самое главное — напечататься в журнале, вы можете издавать книги в издательствах, получать за это гонорар, но вас никто не будет замечать, критика о вас писать не будет. Поэтому очень важно было, особенно в шестидесятые годы, когда были полярно противоположные журналы, такие, скажем, как «Новый мир», орган левой интеллигенции, и «Октябрь» — это орган сталинистов, или, как мы их называли, правых, а на Западе бы их называли наоборот: мы бы оказались правыми, а сталинисты левыми (*смеется*), понимаете? Очень важно было следить, как колеблются эти чаши весов, очень важно следить за журналами. Что касается альманахов, то альманахи создавались, я бы сказал, в кризисные моменты, когда скапливалась какая-то энергия, которая требовала дополнительного выплеска; тогда возникали альманахи. Вот как возник этот альманах, первый, о котором я

сегодня буду говорить, «Литературная Москва», и вызвал огромный скандал в литературной жизни того времени. Затем, после разгрома этого альманаха, возник альманах «Тарусские страницы», провинциальное издание московских авторов, это явно было похоже, я бы сказал, на своего рода парашютный десант (*смется*) — неожиданный марш в Калугу, в Калужскую область. И затем, в конце семидесятых годов, возник «Метрополь», который определенно иллюстрировал глубокий кризис современной советской литературы, и вслед за ним альманах «Каталог». Так что это очень важные пункты, и его [«Литературную Москву»?], может быть, пустим по рукам, только с условием, что его никто не прикарманит, не украдет в смысле (*смется*). Для карманов... да, многовато. Думаю, что необязательно снимать копии, желающим мы дадим его посмотреть, когда дойдет очередь до него. Затем Юрий Трифонов «Дом на набережной», надо обязательно прочесть, где-то найти этот текст. У вас [есть]? Прекрасно. Вот видите, я был уверен, что мы начнем помогать друг другу. Чудно. У вас книга? А, в двух журналах. Прекрасно. Простите за нескромность, но, видимо, придется прочесть и «Звездный билет» Аксенова тоже, потому что это отражает молодежную прозу начала шестидесятых годов. Это в «Юности», есть еще датский репринт, Копенгаген, в университете Орхус, в русских книжных магазинах продавался репринт из «Юности». Может быть, сделать зерокс. Валентин Распутин и Василий Белов — это два самых ярких представителя деревенской прозы. Их надо где-то достать, я не мог достать их нигде. В магазине не достал, и в библиоте-

ке не оказалось. А их обязательно нужно, потому что это очень репрезентативные писатели.

(Реплика из зала: У нас две библиотеки... <нрзб>.)

Распутин. Чудесно, да. Солженицын, «В круге первом», — я бы рекомендовал прочесть. Потому что «Один день Ивана Денисовича» — это еще его советский период. Затем «Архипелаг ГУЛАГ» — это... ну, все знают, что это такое, но в смысле литературном «В круге первом» гораздо сильнее и интереснее. Нужно достать где-то «Пушкинский дом» Андрея Битова. Я тоже его не нашел почему-то. У «Ардиса» заказать? Не было. У меня [в списке] двадцать пять названий, это слишком много, конечно, для студентов, нужно как-то выбирать, кто что захочет. «Сандро из Чегема» Фазиля Искандера. Это интересно будет прочесть по двум причинам: во-первых, как явление неподцензурного романа, который пережил две судьбы — цензурную (он издан в Советском Союзе с определенными купюрами) и неподцензурную судьбу (он [вышел в] издательстве «Ардис» уже полным текстом), — то есть он живет двумя жизнями. И, кроме того, интересное явление представляет [сам] Искандер, явление национальной литературы на русском языке, это довольно необычное явление, существующее только в Советском Союзе, когда авторы национальных республик, моего поколения примерно люди, воспитанные еще вне века растущего и цветущего национализма, не получили достаточно родного языка, чтобы писать книги на нем, и получили более-менее достаточно русского языка, чтобы иметь возможность писать на нем книги. Но не вполне точно получили — их язык